

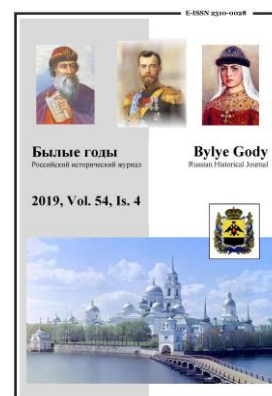
Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1537-1545. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1537
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Elderly People in Siberia in the XIX – early XX centuries: Problems of Social Status and Main Directions of Public Charity in the "Open" Society

Alexander S. Kovalev ^{a, b, *}, Nikolai R. Novosel'tsev ^a, Oleg I. Savin ^a, Ella V. Savina ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Russian Federation

Abstract

The article deals with the problems of the social status of an elderly person, as well as the social care of elderly people in Siberia in the XIX-early XX centuries. The conducted historiographic analysis showed that special studies of the problem should not be considered as exhaustive, and therefore there is no holistic scientific understanding of the social status of elderly people and the practice of aid and support of this group of the population. The article analyzes the understanding of what old age meant in the post-reform period, the specifics of determining the age range of old age, the difference between the concepts of "elderly" and "retired". We also study the lifestyle of an elderly person during the transition of the person to the category of "elderly", features of helplessness and social activity of elderly citizens.

On the basis of previously unpublished archival data, the main directions of social care for elderly people in Siberia outside charitable institutions are considered in detail, since this problem is less studied. On specific examples the features of the pension provision and the payment of an "invalid" salary are characterized, as well as the position of widows and public care of them, the importance of the widow type, social aid to the elderly people who have no place in the poorhouse, the role of the police and health institutions in the process of public charity. The examples of different social practices of the population in relation to the elderly people are demonstrated: from taking care of the extraneous elderly people to the expulsion of them from their own homes.

Keywords: charity, hospital, widow type, public charity, pensioner, pension, police, elderly people.

1. Введение

Прошлый год стал во многом переломным в социальном развитии России. Впервые за несколько десятилетий была проведена пенсионная реформа, одним из результатов которой стало повышение возраста выхода на пенсию на 5 лет для мужчин и женщин. При этом противники реформы заявляли, что увеличение возраста не обоснованно, поскольку многие из россиян не доживают до пенсии, а ее сторонники обращали внимание на то, что в конце 1920-х гг., когда пенсионный возраст впервые был установлен в СССР, средняя продолжительность жизни была существенно ниже и составляла примерно 40 лет.

Не вдаваясь в полемику ни с теми, ни с другими, нужно сказать, что определение возрастной границы выхода на пенсию имеет серьезное значение не только с экономической точки зрения, но и с социальной, поскольку именно эта граница формально указывает на принадлежность человека к старшей возрастной группе, не совсем корректно называемой у нас «пожилыми людьми».

Между тем само понимание пожилого возраста не столько однозначно и имеет свою историю. Если обратиться к прошлому Российской империи, в XIX веке, когда не было общегосударственной

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), OlegGTS@yandex.ru (O.I. Savin), squirrel-o@yandex.ru (E.V. Savina)

системы выплаты пенсий по старости, окажется, что порой даже такого статуса, как «пожилой человек», просто-напросто не существовало, а вся помощь лицам в возрасте укладывалась в рамки общественного призрения и благотворительности. Целью настоящего исследования является изучение на материалах сибирских архивов статусных особенностей пожилого возраста в XIX – начале XX вв. и основных направлений социальной помощи престарелым лицам.

2. Материалы и методы

Основу исследования составляют материалы государственных архивов Иркутской и Томской областей, Алтайского и Красноярского краев, впервые вводимые в научный оборот. Статья базируется на принципах теории модернизации (Инглеарт, 1999; Манченко, 2000; Федотова, 2000; Хантингтон, 2003; Штомпка, 1996), под которой понимается исторический процесс перехода от традиционного к современному обществу. В рамках этого подхода социальная помощь рассматривается как следствие структурирования новых отношений в социальной сфере, где центральное место занимает человек, а социальная модернизация – это процесс реформирования этой сферы с целью развития человека и обеспечения его жизнедеятельности с целью повышения уровня и качества жизни разных групп людей, в том числе и пожилого возраста.

В исследовании были использованы системный и структурно-функциональный подходы, которые дали возможность рассмотреть систему общественного призрения как единое целое и изучить его отдельные направления. Ретроспективный метод позволил выявить причинно-следственные связи и закономерности развития социальной помощи престарелым лицам. Текстологический метод дал возможность изучить делопроизводственные документы органов общественного призрения, провести анализ их содержания, реконструировать различные события социальной помощи престарелым лицам в Сибири. Иллюстративный метод помог привлечь разнообразный материал для демонстрации тех или иных явлений или процессов на конкретных примерах.

3. Обсуждение

В отечественной историографии тема пожилого возраста и организации общественного призрения в отношении престарелых лиц в исследуемый период серьезного внимания со стороны ученых не получила. Отдельные сведения об особенностях повседневности пожилых людей в условиях патриархального уклада русской деревни можно найти в монографии В.Б. Безгина (Безгин, 2004). Крайне важным в его исследовании следует считать утверждение, что к началу XX века привычные ценности крестьянского мира уходят в прошлое, в том числе и уважительное отношение к старикам, и теперь «крестьянин вынужден был воспринимать стариков как лишние рты. С точки зрения физического выживания семьи их немощ являлась балластом» (Безгин, 2004: 110).

А.А. Смолькин в одной из своих публикаций рассмотрел историческое формы отношения к старости, отмечая, что в дореволюционный период, «несмотря на существование различных благотворительных организаций и небольших пособий, старость... была настоящей катастрофой, прихода которой стоически ожидали» (Смолькин, 2005: 263). В другой работе он раскрывает причины этой «катастрофы»: «для традиционных культур возраст не столько биологическая, сколько статусная характеристика», т.к. «определяющим элементом социального статуса человека становится его экономическая функциональность», поэтому «старые люди понимаются как жертвы», и на первом плане выходит «установка прочитывать возраст в терминах экономических возможностей» (Смолькин, 2007: 30-31).

Сведения о том, как помогали пожилым людям в XIX – начале XX вв., встречаются в публикациях, посвященных вопросам становления благотворительности. И хотя в них мало говорится непосредственно о стариках, но есть важные наблюдения относительно развития социальной помощи в целом. Сюда можно отнести работы Т.А. Катциной, которая рассматривает особенности социальной помощи в дореволюционной России в отношении высшего офицерства и чиновничества, которым при наступлении пожилого возраста из государственных средств выплачивались пенсии и пособия (Катцина, 2005). Еще одна исследовательница проблем социального попечения И.П. Павлова отмечает, что в рассматриваемый период была выдвинута идея непрерывности призрения, сочетающая разные виды помощи, однако ведущей формой социального попечения в России оставалось призрение в специальных заведениях (Павлова, 2003).

Вопросы социально-правового положения престарелых людей, восприятие старости пожилыми сибиряками изучены одним из авторов настоящей статьи (Ковалев, 2011а; Ковалев, 2011б; Ковалев, 2013). Однако в указанных работах проблемы пожилых людей в дореволюционное время рассматривались в большей степени в качестве «пролога» к трансформации отношения к старикам и их проблемам в послереволюционный период и во время нэпа.

Проведенный анализ степени изученности темы показал, что специальных исследований, посвященных поставленной проблеме, крайне мало, и все они не дают целостного представления о социальном положении пожилых людей, и о том, насколько широкой была практика общественного призрения в отношении этой группы населения. Поэтому описываемое в настоящей статье исследование ориентировано на то, чтобы получить более полную картину социальной помощи в

отношении престарелых лиц в XIX – начале XX вв., за исключением общественного призрения в богоугодных заведениях, изучение которых требует особого внимания.

4. Результаты

Для современного человека не составит особого труда идентифицировать пожилого человека, определить возрастные рамки старости. Куда сложнее обстояло дело с идентификацией старости в XIX в. Прежде всего, самого такого понятия, как «пожилой возраст», попросту не существовало, но были близкие к нему по смыслу – «престарелый», «старый», «старик», «немошный», «дряхлый». К примеру, в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля слово «пожилой» отсутствует, но встречается «поживать», т.е. «проводить жизнь так, как живется». «Престареть» (престариться, состариться) упоминается в значении «достигнуть глубокой старости, самых преклонных лет, одряхлеть годами»; «престарелый» – доживающий век свой, доживший до глубокой старости (Даль, 1865а: 1108; Даль, 1865б: 202-203, 300; Даль, 1866: 288).

Вплоть до революции в России под старостью понимался жизненный цикл человека, для которого характерны размытость возрастных границ и дряхлость в понимании неспособности самостоятельно действовать и «доживать». Если человек мог трудиться, имел родственников, которые ему помогали, он словно «не замечал» наступления старости – сам себя стариком не считал и относил себя к престарелым только тогда, когда ощущал «дряхлость», «невладение телом», был «не в силах снискивать пропитание». Кроме того, если «человек в годах» переставал быть объектом семейного уважения и заботы, не получал помощи от детей и внуков, только тогда старость становилась той самой социальной «катастрофой», о которой говорит А.А. Смолькин (Ковалев, 2013: 88-89).

Упоминание «пенсционер» в архивных материалах встречается еще реже, но такое обозначение может относиться и к тому, кто получал и пенсию по старости, и пенсию по выслуге лет, и даже к матери-одиночке, которой платили пособие на содержание детей. Так что отождествлять пожилого человека с пенсионером нужно крайне осторожно, т.к., например, служащий, который участвовал в эмеритальной кассе, «выходил на пенсию» в сравнительно зрелом, но не пожилом возрасте (около 50–52 лет), был вполне здоровым, имел семью, самостоятельно вел хозяйство, и для него обозначение «старый», и тем более «престарелый», вряд ли подходит.

Можно предположить, что многие пожилые люди до поры до времени справлялись со своими делами, пока им позволяло здоровье. Они зарабатывали «на пропитание», оплачивали жилье, вступали в социальные связи, но как только здоровье начинало подводить, они «сдавали» и видели для себя только один выход – помещение в богадельню. В качестве доказательства ниже представлен текст письма томского мещанина С.Д. Перевозчикова (ГАИО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 17. Л. 138) с комментариями авторов статьи, которое позволяет увидеть, как менялся образ жизни пожилого человека при его переходе в категорию престарелых граждан.

«Я имею от роду 72 года (указан не абстрактный «пенсионный», указывающий на право получать помощь, а конкретный возраст – Авт.) и совершенно одинок (нет ни родственников (это еще полбеды), ни друзей, нет никаких социальных связей – Авт.). Два года тому назад я потерял способность к труду вследствие головных болей и старости (то есть проблемы со здоровьем начались в возрасте 70 лет, но два года старик еще как-то мог о себе позаботиться – Авт.), когда все кончилось (имеется в виду, что за эти два года кое-как сводил концы с концами, но потратил все свои сбережения – Авт.), решился на богадельню (значит, все-таки в качестве нежелательного финала жизни пожилой человек представлял себе помещение себя в богоугодное заведение, но не решался обратиться с прошением – Авт.). До того времени (до 70 лет! – Авт.) я зарабатывал себе пропитание своим собственным трудом, занимался сапожным ремеслом (по тем временам очень неплохо, особенно если учесть низкие показатели продолжительности жизни – Авт.). В настоящее же время, когда я потерял способность к труду, я, будучи совершенно одинок (Перевозчиков повторяется, значит, для него это либо очень важный факт личной биографии, либо это стремление подчеркнуть свое положение, чтобы разжалобить чиновника – Авт.), не имею никаких средств на свое содержание и сейчас не имею квартиры (именно сейчас, значит, раньше все было в порядке – Авт.), потому что не в состоянии за нее платить (можно только посочувствовать человеку, который всю свою жизнь, работая в поте лица, не смог приобрести себе квартиру – Авт.).

Конечно, далеко не все пожилые люди считали себя «развалинами» и рассматривали в качестве единственно возможного способа существования для себя помещение в богадельню. Были и те, кто сохранял социальную активность, и если они что-то и просили у городских властей, так это возможность продолжать привычную жизнь и самостоятельно себя обеспечивать. В этой связи очень интересным представляется прошение в Городскую управу якутского мещанина Т.П. Северина, проживавшего в городе Иркутске. Он писал, что ему 75 лет и что он занимается все время торговлей, но едва изыскивает себе пропитание, а «заниматься же прошением милостыни не могу и не имею совести по привычке, т.к. никогда не занимался». Старым и больным Северин себя не считал и замечал: «Жить надо, пока Господь меня не призовет к себе», но указывал на то, что в силу ограниченных способностей к мобильности «не способен ходить [со своим] мелочным товаром»,

и поэтому всего лишь просил выделить ему в городе, «где найдется возможность, небольшое местечко для моей мелочной торговли, чем дадите возможность к моему на старости лет существованию». Несмотря на то, что пожилой торговец не просил ни места в богадельне, ни пенсии, ни пособия, Городская управа ответила активному старику отказом: «Мест для раздачи бедным... не имеется» (ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 1809. Л. 28-28 об.).

Исследователи, занимающиеся проблемами становления и развития социальной помощи (Кузьмин, Сутырин, 2003: 9), традиционно выделяют две «исторически сложившиеся» системы призрения – «закрытую», т.е. помощь в специализированных благотворительных заведениях (например, в богадельнях), и «открытую», предоставляемую вне стен подобных заведений как представителями общества, в котором проживают нуждающиеся, так и центральными и местными органами, ответственными за их благополучие.

Общественное призрение в богадельнях XIX – начала XX вв. было ведущим направлением социальной помощи пожилым людям, оно требует отдельного изучения и будет предметом одного из дальнейших исследований. Помощь вне богоугодных заведений менее изучена и менее известна, поэтому ее следует представить в первую очередь.

Одним из видов «открытой» социальной помощи пожилым людям в Сибири была реализация выплат пенсионного характера. Надо сказать, что в XIX в. пенсия отнюдь не являлась «гарантированным» доходом в том понимании, к которому мы привыкли сегодня. В первой половине XIX в. среди пожилого населения Сибири основной категорий получателей пенсии были отставные военные, которых именовали инвалидами, и это обозначение было принято только для идентификации тех, кто потерял здоровье, выполняя воинский долг. На местах им устанавливалось инвалидное жалование, которое выплачивалось из средств губернского казначейства. Так, в 1810 г. томские инвалиды войны Щадрин и Шепеткин получали 14 руб. 88 коп в год (1 руб. 24 коп. в месяц), инвалиды Новокрещеный и Микитаев – 10 руб. (меньше 1 рубля в месяц) (ГАТО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1а. Л. 13, 36-36 об.).

Также бывшим военнослужащим, получившим инвалидность во время боевых действий, могли выплачивать пенсии-вспомоществования из средств инвалидного капитала, выдаваемого Александровским комитетом, как отставному рядовому-инвалиду Гусеву, а также средства, выделенные Комиссариатским департаментом – «бонбандиру Гавриле Антоновичу Паншинову». В этих случаях суммы, как правило, тоже не превышали 10 руб. Исключение составлял томский отставной солдат С. Тимофеев, который получал инвалидное жалование в размере 50 руб. в год (чуть больше 4 руб. в месяц), однако «выдавали» ему эту сумму только «на бумаге», в действительности он получал те же 10 руб. в год, а остальные по каким-то причинам никак не могли дойти в местное казначейство из столицы (ГАТО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1а. Л. 11, 74, 108).

Особенностью этого периода было и то, что из пенсии периодически могли вычитать определенные суммы, причем порой за какие-то события, которые происходили с пенсионером в прошлом. К примеру, в Иркутске с полковника Б. Арндта регулярно взыскивали часть пенсии «на пополнение убытка казны, произошедшего от кражи револьверов», вверенных на хранение полковнику в период службы. Из пенсии капитана Лущпа равными частями удерживали часть его казенного долга, который составлял 635 руб. С пенсионера В.С. Михайлова каждый месяц удерживали 6 руб. с пеней 1 % в счет числящейся за ним недоимки квартирного налога двухлетней давности. Из пенсии мещанина Кириллова в течение года казначейство высчитывало равными долями переплаченное пособие, назначенное ранее. И даже из пенсии бывшего Якутского губернатора, действительного статского советника В. Булатова, была взыскана недоимка в размере 150 руб. С вдовы В.С. Яроновецкой удерживали 3 р. 83 коп. за утраченные ее покойным мужем казенные арестантские вещи (ГАИО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 17. Л. 1, 2, 5, 14, 16, 39).

Вообще положение вдов военнослужащих было крайне тяжелым. Так, летом 1828 г. Томский приказ общественного призрения слушал доклад о деле поселенки Кособрюховой, которая «просила по бедному состоянию, старости лет, болезненным припадкам и неимению родственников, могущих и обязанных доставить пропитание, причислить на богаделенное содержание, причем объявила, что она будет иметь проживание в городе Томске у частных людей на квартирах». Оказалось, что весной 1828 г. Кособрюхова по слабости здоровья была отправлена в Томскую больничную контору, получила необходимое лечение, после чего «по собственному ее желанию отправлена... в Томский земский суд для отсылки к родственникам». Однако своим родственникам пожилая женщина оказалась не нужна, и они отправили ее обратно в Томск.

Рассмотрев дело, приказ общественного призрения постановил женщину «причислить на богаделенное содержание», о чем дать знать смотрителю богаделен, «чтобы он женке сей на пропитание требовал из Приказа каждый месяц по одному рублю с прочими богадельщиками» (ГАТО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 3. Л. 47-47об.).

А вот еще один пример. В Томске проживала солдатская вдова Маремьяна Албанцева, которая «30 лет [жила] при старости лет ее и слабом здоровье без всякого почти дневного пропитания». После смерти мужа она, по всей видимости, уже находилась в пожилом возрасте, однако чиновник

Томской городской управы свидетельствовал, что она «ни жалованье, ни пенсiona никакого не получает» и даже «письменного вида... ни от какого начальственного места не имеет».

С 1816 по 1894 г. вдовы рядовых и унтер-офицеров имели определенный документ, удостоверявший их личность – вдовый вид, который выдавался командирами губернских батальонов и полковыми командирами женщинам, находившимся в полках, вдовам «нижних чинов», которые поступили на службу после 1857 г., а также гражданскими учреждениями – тем, кто, поступив на службу ранее, приписался к городам и сельским обществам. Согласно установленной форме, во вдовьем виде указывались имя, отчество, «прозвание» его предъявительницы, отмечалось, что она вдова рядового или унтер-офицера (назывались часть, где он служил, его имя, отчество, «прозвание», дата смерти) и что ей разрешено жить в определенной губернии, записывались ее приметы, возраст, перечислялись «дети, прижитые в солдатском звании», с указанием их возраста, содержалась запись об обязанности лица, у которого она жила, в случае ее смерти представить Вдовый вид в ближайшее учреждение для отсылки в губернский батальон, выдавший документ (ПСЗ, т. 33, 1830: 533; ПСЗ, т. 38, 1866: 191; ПСЗ, т. 14, 1898: 347).

Например, такой вдовый вид был выдан Томским городским полицейским управлением Александре Петровне Зыковой – вдове от первого брака отставного рядового Енисейского внутреннего гарнизона Василия Леонтьевича Зыкова на свободное проживание по всей Российской империи. В документе было указано, что Зыковой «88 лет, росту 2 аршина 4 вершка, волосы русые с проседью, глаза голубые, нос, рот и подбородок обыкновенные» (ГАТО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 26. Л. 5).

М. Албанцева же такого удостоверяющего документа не имела, а значит, не могла получить какой-либо помощи. По словам представителя городской управы, «нуждою снискивает себе через посредство добродетелей милостыни» (попросту говоря, попрошайничала). Рассмотрев ее дело, Томский городской голова М. Неупокоев приказал «учинить особый протокол о причислении означенной вдовы солдатской жены... Албанцевой по выдаче ей на пропитание денег».

Несмотря на то, что во второй половине XIX в. по всей Сибири открывались богадельни, помощь в которых можно считать признаком социальной модернизации, долгое время сохранялись и традиции народной благотворительности, традиционные виды помощи, одним из которых было так называемое «кормление» и назначение пожилому человеку «общественных попечителей». Так, в с. Бобровском Белоярской волости долгое время проживала одинокая «мещанка г. Барнаула Агафья Викторовна Воротникова», у которой была небольшая изба, которую она по неизвестным причинам продала, после чего осталась без имущества и без средств к существованию. Местная управа сообщила, что Воротникова «достигла престарелых лет, больная, нуждается в постороннем за собой уходе, не имеет угла, где преклонить головы, перевозится из двора в двор» и «уже порядком всем надоела, и никто ее не берет на содержание» (ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 377. Л. 60-60 об.). Односельчане даже нашли средства, чтобы отправить пожилую женщину в Барнаул для помещения в богадельню, но ее туда не приняли, и им пришлось вернуться к традиционной помощи.

Случалось и так, что призреваемого в богадельне забирали на свое попечение зажиточные горожане. Так, в контору Красноярских богоугодных заведений в 1879 г. поступило прошение от мещанина С.А. Кошкова, который изъявил желание взять на свое попечение находящегося в красноярской гражданской богадельне офицерского сына Павла Васильева. Из прошения следует, что Кошков принимает инвалида «на свое призрение..., обязывается пропитывать и содержать до смерти... и до прошения милостыни не допустить, а в противном случае подвергать себя ответственности перед правительством» (ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 49. Т. 2. Л. 444 об.-445). Впрочем, процедура передачи призреваемого из богоугодного заведения частному лицу была крайне сложная. Сначала чиновникам из Енисейского приказа общественного призрения надлежало выяснить, «имеет ли означенный мещанин Кошков средства, чтобы вполне прилично содержать просимого им..., какого он образа жизни», поэтому в Красноярское городское полицейское управление был отправлен соответствующий запрос. Спустя месяц полицейское управление представило в Приказ донесение полицейского пристава, в котором сообщалось, что «мещанин Степан Кошков имеет довольно приличный дом и достаточное хозяйство, кроме того, имеет сапожную мастерскую, в которой работает около 15 человек». Далее в приказе общественного призрения выяснили, что Васильев имеет расчетный билет на получение им пенсии (из 28 руб. 59 коп. в 1879 г. за содержание инвалида в богадельне было начислено $\frac{2}{3}$ суммы (19 руб. 06 коп.), а также сберегательную книжку на 200 руб., которые следовало вернуть на руки призреваемому. Только после этого Енисейский приказ общественного призрения распорядился сделать определение, что «нет препятствий на выписку Васильева и отдачу его на попечение Кошкову», после чего для Васильева был изготовлен «билет на свободное проживание», сам он был исключен из богадельни и передан новому попечителю (ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 49. Т. 2. Л. 445 об.).

В Туруханске местный купец III гильдии Василий Скорняков по неимению в городе богадельни решил пожертвовать один из своих домов для призрения «дряхлах стариков», а также 50 пудов хлеба и несколько пудов дров. Всего на содержании благотворителя находилось 6 человек. Для обеспечения призреваемых бельем и обувью были установлены церковные кружки, которые вскрывались каждый месяц, и на полученные от населения средства содержались одинокие пожилые люди.

Что любопытно – губернатор выразил Скорнякову личную признательность, а на городничего, который довел до него всю эту информацию, возложил обязанность лично заботиться о пропитании призреваемых, отопливании помещения, «об имении всегда обуви и одежды в исправности», а также стараться «не допускать [стариков] до пьянства и прочей безнравственной жизни» (ГАТО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1а. Л. 125-127).

Однако не всем сибирякам были свойственны «природная» благотворительность и человеколюбие. Нередко сами родственники «сдавали» своих немощных родителей и даже супругов в богадельню, а то и вовсе снимали с себя всяческую ответственность за их призрение. В этом отношении показательно прошение мещанки Д.М. Шишкиной в Иркутскую городскую управу, поданное в 1903 г. В нем пожилая женщина, отчаявшись пристроить своего старого и больного супруга в больницу, пишет: «...Прошу вашего разрешения оставить его [супруга] на произвол судьбы при сложении с меня ответственности, если он от этого получит скорейшую смерть..., ибо при моих преклонных летах и плохом своем здоровье трудно мне даже одну себя прокормить» (ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 1809. Л. 18-18 об.).

Эта история интересна и еще в одном аспекте, который в большей степени показывает истинное отношение к пожилым людям в обществе. Д.М. Шишкина решилась на угрозы, поскольку была убеждена, что «если бы захотели положить... старика..., то весьма легко и просто для него найти... свободное место» (ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 1809. Л. 18-18 об.). Насколько эти слова соответствовали истине, должна была выяснить специальная проверка, назначенная Иркутским городским головой, по-видимому, испугавшимся прямолинейности женщины. В скором времени городской голова все-таки отправил Шишкина в больницу, однако остался вопрос, почему нельзя было устроить старика сразу? В городской казне не было средств для обеспечения, у пожилого человека не было пенсии, за счет которой его могли бы содержать, или в больнице просто не было места?

Увы, но в действительности все было гораздо проще. Анализ материалов дела показывает, что имела место ситуация, так знакомая современным пожилым людям, когда работники Иркутской больницы попросту отказывались принимать к себе престарелого, страдающего хроническим заболеванием мужчину только в силу его почтенного возраста.

Разбирательство истории Шишкиных привело к тому, что старший врач больницы был вынужден писать объяснительную самому иркутскому губернскому врачебному инспектору. В ней он сообщил, что 71-летний Шишкин был доставлен в больницу, и у него был обнаружен старческий маразм, вследствие чего якобы его не могли принять в больницу, хотя она была рассчитана именно на людей, страдавших подобными заболеваниями. Так или иначе, но руководство больницы вину за собой не видело, и в объяснительной даже была сделана приписка, что Шишкин может быть принят только «на непродолжительное время как исключение» (ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 1809. Л. 25).

Еще одним институтом помощи пожилым людям могла быть полиция. Так, в судьбе стариков в Томске нередко принимал участие Томский полицмейстер, который регулярно писал в городскую управу и просил принять на призрение того или иного человека: «При 3-м полицейском участке находится на беспомощном состоянии неизвестного звания немой человек, на вид коему около 80 лет, который, будучи отправлен в Томскую больницу Приказа общественного призрения... для принятия на излечение, врачом означенной больницы был не принят как страдающий старческим маразмом. Из взятой у него серебряной медали видно, что он бывший Севастопольский служака и вполне заслуживает... помещения его в одну из богаделен» (ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2035. Л. 74).

Интересно, что пожилой человек с признаками сенильности был изгнан из больницы и фактически брошен на произвол судьбы. Трудно даже представить, как мог дальше самостоятельно выжить этот человек, страдавший немотой и старческим маразмом, без посторонней помощи. Если кто-то из пожилых людей чего-то не получал, не был устроен в богадельню или кому-то было отказано в помощи, то дальнейшей судьбой стариков становилось нищенство. Только благодаря начальнику томской полиции, который обнаружил его на улице и выяснил, что перед ним не просто бездомный оборванец, а герой Крымской войны, который «заслуживает помещения в богадельню», старика удалось устроить в богоугодное заведение по личному распоряжению городского головы.

5. Заключение

Подводя итоги, следует в первую очередь отметить тот факт, что общественное призрение пожилых людей на рубеже XIX–XX вв. совсем не ограничивалось их помещением в богадельни. Однако поскольку в обществе не существовало устоявшейся оценки того, кто и когда может быть отнесен к пожилому (престарелому) возрасту, социальная помощь этой группе населения со стороны государства и общества не смогла оформиться в систему. Она представляла собой разрозненные меры отдельных горожан, направленные на поддержание того образа жизни, в котором уже существовал (чаще – выживал) пожилой человек. Анализ социальных практик того времени показывает, что если старик мог найти в себе силы трудиться, или у него были родственники, способные о нем позаботиться, то он продолжал оставаться активным членом общества, не задумываясь о том, что ему может грозить одиночество и бедность. Иначе такие люди в лучшем случае становились «мишенью» для различных субъектов общественного призрения, в худшем – не получали помощь вовсе.

Свое право на помощь от государства могли реализовать только военные инвалиды или оставшиеся после них вдовы, и в этом случае целесообразнее говорить о пенсионном обеспечении состарившихся инвалидов войны, нежели о пенсионировании стариков «всех мастей». Чаще всего органы общественного призрения, не разбираясь в тонкостях личной и социальной жизни пожилых людей, просто отправляли их в богадельни. Если же мест там не было, то приютом могли стать больницы, если же старика выгоняли и оттуда, то его могли взять к себе соседи-доброхоты. Социальный контроль за неустроенными престарелыми сибиряками осуществляли органы полиции, усиленно участвуя в их дальнейшей судьбе. Кроме того, последней инстанцией мог выступить городской голова.

Таким образом, все вышеперечисленные меры свидетельствуют о том, что к началу века в российском обществе и государстве возникли все предпосылки для того, чтобы была создана система профессиональной помощи и поддержки, т.е. некий исторический прототип того, что сегодня называется социальной работой, представленной различными направлениями помощи, первыми постоянными получателями которой могли стать пожилые люди. Дальнейшее социальное развитие привело к тому, что на дореволюционном опыте был реализован советский вариант государственного социального обеспечения пожилых и престарелых граждан.

Литература

- Безгин, 2004** – *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Тамбов: ТГТУ, 2004. 304 с.
- ГААК** – Государственный архив Алтайского края.
- ГАИО** – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- ГАТО** – Государственный архив Томской области.
- Даль, 1865a** – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М., 1865.
- Даль, 1865b** – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М., 1865.
- Даль, 1866** – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М., 1866.
- Инглегарт, 1999** – *Инглегарт Р.* Модернизация и постмодернизация // Новая индустриальная волна на Западе / Под ред. В. Иноземцева. М., 1999. С. 261-291.
- Катцина, 2005** – *Катцина Т.А.* От общественного призрения к социальному обеспечению // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005. С. 90-91.
- Ковалев, 2011a** – *Ковалев А.С.* Восприятие старости пожилыми сибиряками во второй половине XIX – начале XX вв. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культура и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2011. № 2. С. 92-99
- Ковалев, 2011b** – *Ковалев А.С.* Социально-правовое положение пожилых людей и инвалидов в России: исторический обзор // Социокультурная реабилитация, адаптация инвалидов и пожилых людей, защита их гражданских прав в современном обществе. Красноярск, Филиал НОУ ВПО «СпБивЭСЭиП в г. Красноярске. Красноярск, 2011. С. 36-40.
- Ковалев, 2013** – *Ковалев А.С.* Проблемы идентификации социального статуса пожилых людей и инвалидов в первой трети XX века: опыт историко-социологического анализа (на материалах Сибири) // *Историческая психология и социология истории.* 2013. № 1 С. 85-98.
- Кузьмин, Сутырин, 2003** – *Кузьмин К.В., Сутырин Б.А.* История социальной работы за рубежом и в России (с древности до начала XX века). М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 480 с.
- Манченко, 2000** – *Манченко А.П.* Социальная модернизация в современной России. М., 2000. 268 с.
- Павлова, 2003** – *Павлова И.П.* Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны: Монография. Красноярск, 2003. 150 с.
- ПСЗ, 1830** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 33.
- ПСЗ, 1866** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1866. Т. 38.
- ПСЗ, 1898** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1898. Т. 14.
- Смолькин, 2005** – *Смолькин А.А.* Исторические формы отношения к старости // *Отечественные записки.* 2005. № 3. С. 253-264.
- Смолькин, 2007** – *Смолькин А.А.* Историческая трансформация социального статуса старости // *Клиническая геронтология.* 2007. № 3. С. 29-33.
- Федотова, 2000** – *Федотова В.Г.* Типология модернизаций и способов их изучения // *Вопросы философии.* 2000. № 4. С. 3-27.
- Хантингтон, 2003** – *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. 368 с.
- Штомпка, 1996** – *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. 416 с.

References

- Bezgin, 2004** – *Bezgin V.B.* (2004). Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka) [Peasant everyday life (traditions of the late XIX – early XX century)]. Tambov, 304 p. [in Russian]
- Dal, 1865a** – *Dal V.I.* (1865). Tolkovyi slovar' velikorusskogo zhivogo yazyka: v 4 t. T. 2. [Explanatory Dictionary of Great Russian Living Language], vol. 2. M. [in Russian]
- Dal, 1865b** – *Dal V.I.* (1865). Tolkovyi slovar' velikorusskogo zhivogo yazyka: v 4 t. T. 3. [Explanatory Dictionary of Great Russian Living Language], vol. 3. M. [in Russian]
- Dal, 1866** – *Dal V.I.* (1866). Tolkovyi slovar' velikorusskogo zhivogo yazyka: v 4 t. T. 4. [Explanatory Dictionary of Great Russian Living Language], vol. 4. M. [in Russian]
- Fedotova, 2000** – *Fedotova V.G.* (2000). Tipologiya modernizatsii i sposobov ikh izucheniya [Typology of Modernizations and Ways of Their Study]. *Questions of philosophy*, Nr. 4, pp. 3-27. [in Russian]
- GAAK** – Gosudarstvennyi arkhiv Altayskogo kraia [State Archive of Altai Region].
- GAIO** – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of Irkutsk Region].
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archive of Krasnoyarsk Region].
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archive of Tomsk Region].
- Huntington, 2003** – *Huntington S.* (2003). Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka [Third wave. Democratization at the end of the XX Century]. M., 368 p.
- Inglehart, 1999** – *Inglehart R.* (1999). Modernizatsiya i postmodernizatsiya [Modernization and post-modernization] In: Novaya industrial'naya volna na Zapade [New Industrial Wave in the West] V. Inozemtsev, ed. M., pp. 261-291. [in Russian]
- Kattsina, 2005** – *Kattsina T.A.* (2005). Ot obshchestvennogo prizreniya k sotsial'nomu obespecheniyu [From Public Charity to Social Security]. In: Nuzhda i poryadok: istoriya sotsial'noi raboty v Rossii, XX v. [Need and order: history of social work in Russia, XX century]. P.V. Romanov, E.R. Yarskaya-Smirnova, eds. Saratov, pp. 90-91. [in Russian]
- Kovalev, 2011a** – *Kovalev A.S.* (2011). Vospriyatie starosti pozhilymi sibiryakami vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Perception of Old Age Elderly Siberians in the Second Half of XIX – Early XX Centuries. *Istoricheskie, filosofskie, poli-ticheskie i yuridicheskie nauki, kul'tura i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, Nr2, pp. 92-99. [in Russian]
- Kovalev, 2011b** – *Kovalev A.S.* (2011). Sotsial'no-pravovoe polozhenie pozhilykh lyudei i invalidov v Rossii: istoricheskiy obzor [Social and Legal Status of Elderly and Disabled People in Russia: Historical Review]. In: Sotsiokul'turnaya reabilitatsiya, adaptatsiya invalidov i pozhilykh lyudei, zashchita ikh grazhdanskikh prav v sovremennom obshchestve [Social and Cultural Rehabilitation, Adaptation of Disabled and Elderly People, Protection of Their Civil Rights in Modern Society]. Krasnoyarsk, pp. 36-40. [in Russian]
- Kovalev, 2013** – *Kovalev A.S.* (2013). Problemy identifikatsii sotsial'nogo sta-tusa pozhilykh lyudei i invalidov v pervoi treti XX veka: opyt istoriko-sotsiologicheskogo analiza (na materialakh Sibiri) [Problems of Identification of Social Status of Elderly and Disabled People in the First Third of the Twentieth Century: the Experience of Historical and sociological Analysis (on the Materials of Siberia)]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, Nr. 1, pp. 85-98. [in Russian]
- Kuzmin et al., 2003** – *Kuzmin K.V., Sutyurin B.A.* (2003). Istoriya sotsial'noi raboty za rubezhom i v Rossii (s drevnosti do nachala XX veka) [History of Social Work Abroad and in Russia (From Ancient Times to the Early Twentieth Century)]. M., Ekaterinburg, 480 p. [in Russian]
- Manchenko, 2000** – *Manchenko A.P.* (2000) Sotsial'naya modernizatsiya v sovremennoi Rossii. [Social Modernization in Modern Russia]. M., 268 p. [in Russian]
- Pavlova, 2003** – *Pavlova I.P.* (2003). Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Per-voi mirovoi voyny [Social Care in Russia during the First World War]. Krasnoyarsk, 150 p. [in Russian]
- PSZ, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 33. SPb. [in Russian]
- PSZ, 1866** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 38. SPb. [in Russian]
- PSZ, 1898** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Full collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 14. SPb. [in Russian]
- Shtomka, 1996** – *Shtompka P.* (1996). Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii [Sociology of Social Changes]. M., 416 p.
- Smol'kin, 2005** – *Smol'kin A.A.* (2005). Istoricheskie formy otnosheniya k staro-sti [Historical forms of relations to the old age]. *Otechestvennyye zapiski*, Nr3, pp. 253-264. [in Russian]
- Smol'kin, 2007** – *Smol'kin A.A.* (2007). Istoricheskaya transformatsiya sotsial'no-go statusa starosti [Historical Transformation of the Social Status of Old Age]. *Klinicheskaya gerontologiya*, Nr.3, pp. 29-33. [in Russian]

Пожилые люди в Сибири в XIX – начале XX вв.: проблемы социального статуса и основные направления общественного призрения в «открытом» социуме

Александр Сергеевич Ковалев ^{a, b, *}, Николай Рзавич Новосельцев ^a, Олег Игоревич Савин ^a,
Элла Владимировна Савина ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы социального статуса пожилого человека, а также общественное призрение стариков в Сибири в XIX – начале XX вв. Проведенный историографический анализ показал, что специальных исследований по проблеме недостаточно, в связи с чем отсутствует целостное научное представление о социальном положении пожилых людей и о практике помощи и поддержки этой группы населения. В статье анализируется понимание того, что означала старость в пореформенный период, специфика определения возрастных рамок старости, разница между понятиями «пожилой» и «пенсионер». Также изучается образ жизни пожилого человека при его переходе в категорию «престарелых», особенности беспомощности и социальной активности престарелых граждан. На основе не опубликованных ранее архивных данных подробно рассматриваются основные направления общественного призрения пожилых людей в Сибири вне богоугодных заведений, поскольку оно менее изучено и менее известно. На конкретных примерах характеризуются особенности пенсионного обеспечения и выдачи «инвалидного» жалования, положение вдов и их общественное попечение, значение Вдовьего вида, социальная помощь старикам, которым не нашлось места в богадельнях, роль полиции и учреждений здравоохранения в процессе общественного призрения. Продемонстрированы примеры разных социальных практик населения в отношении пожилых лиц – от принятия к себе на попечение посторонних стариков до изгнания престарелых из собственного дома.

Ключевые слова: благотворительность, больница, Вдовий вид, общественное призрение, пенсионер, пенсия, полиция, пожилые люди.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев),
NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.Р. Новосельцев), OlegGTS@yandex.ru (О.И. Савин),
squirrel-o@yandex.ru (Э.В. Савина)